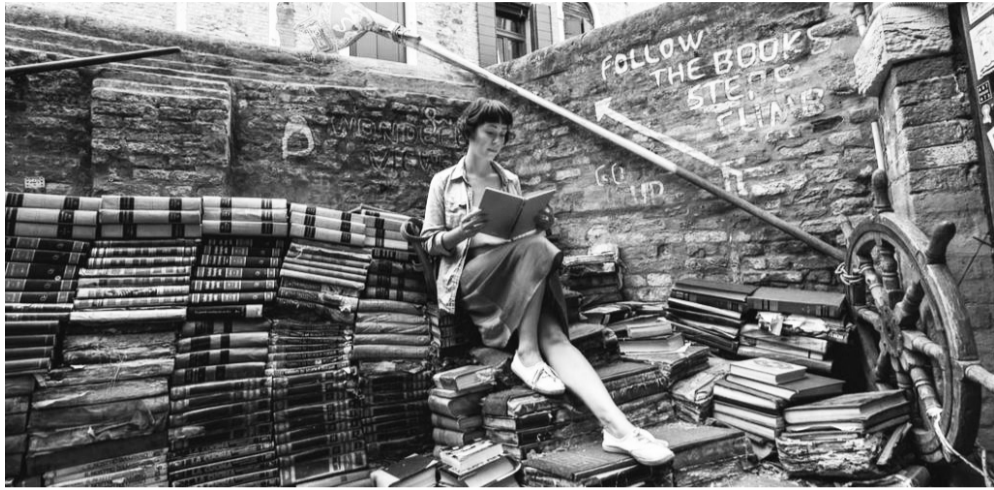

Время хороших историй

Гузель Яхина. "Эшелон на Самарканд"

Третий роман Гузель Яхиной, как и предыдущие книги писательницы "Зулейха открывает глаза" и "Дети мои", погружает читателя в пространство нашей общей исторической травмы – впрочем, делает он это максимально мягко, бережно и небезразлично. В 1923 году эшелон под водительством импульсивного юного командира Деева и строгой комиссара Белой увозит из голодающего Поволжья пять сотен изможденных детей в Среднюю Азию – и оказывается символическим инструментом искупления грехов для всей погрязшей в братоубийстве страны, лежащей по обе стороны железнодорожных рельсов. Едва успев выйти из типографии, "Эшелон на Самарканд" успел оказаться в центре горячей общественной полемики, так что, пожалуй, ознакомиться с романом самостоятельно и составить по его поводу собственное мнение, будет нелишним.

Кейт Элизабет Расселл. "Моя темная Ванесса"

Вокруг литературного дебюта американки Кейт Элизабет Расселл тоже кипят нешуточные страсти – и это несложно понять, учитывая провокативную тему романа. Пятнадцатилетняя героиня-расказчица Ванесса – одинокий, замкнутый подросток, болезненно переживающий свою (преимущественно воображаемую) непохожесть на сверстников. Именно в силу этого она становится легкой добычей сорокадвулетнего Джейкоба Стрейна – ее школьного преподавателя литературы и большого ценителя юности и красоты. В сущности, "Моя темная Ванесса" – это история Лолиты, вывернутая наизнанку: смена оптики с мужской на женскую позволяет увидеть коллизию, знакомую нам по نابокровскому роману, с противоположной стороны и осознать глубину раны, которую способна нанести девушке подобная связь.

Кормак Маккарти. "Пограничная трилогия"

Классическая трилогия Кормака Маккарти ("Кони, кони", "За чертой" и "Содом и Гоморра"), как и другие книги автора, написана в высшей степени причудливым языком без привычных нам знаков препинания. Однако стоит читателю преодолеть этот барьер, как перед ним во всем своем великолепии распахнется просторный мир американо-мексиканского фронта середины XX века. Эстетика вестерна у Маккарти органично уживается с величием европейского эпоса, а возвышенная и явно намеренная архаичность сюжетных коллизий – с абсолютной эмоциональной достоверностью. Романы "Пограничной трилогии" уже издавались на русском, но по отдельности и очень давно – тем приятнее, что теперь их, наконец, можно купить под одной обложкой, в отредактированном переводе и с обширным комментарием.

Чжан Юэжань. "Кокон"

Мальчик Чэн Гун и девочка Ли Цзяци, одинокие и не слишком счастливые в собственных семьях, взрослеют в эпоху китайской "перестройки", а их горячая дружба держится в первую очередь на совместных играх в "расследования". Но однажды судьба подбросит им подлинную загадку, уходящую корнями в эпоху Культурной революции, и мир для них обоих уже не будет прежним. Семейная

сага молодой китаянки Чжан Юэжань – книга поразительная: она одновременно вовлекает читателя в мир предельно чужой и непривычный, но в то же время вызывает мгновенное узнавание у любого человека, хотя бы краешком захватившего советское время и эпоху последующих трансформаций.

Микаэль Ниemi. "Дамба"

У героев "Дамбы" шведского писателя Микаэля Ниemi (русский читатель знает его по романам "Популярная музыка из Виттуль" и "Сварить медведя") и так все в жизни идет не самым лучшим образом. Но однажды проблемы, которые представлялись им серьезными (банкротство, развод, токсикоз, одиночество, тоска по прошлому), меркнут перед лицом беды принципиально иного масштаба: многодневные дожди размывают бетонную дамбу, и раздвигаясь река Люлео из мирной и живописной превращается в реку-убийцу. Любую, даже самую сумрачную историю (а в основе своей эта история именно такова) Ниemi способен превратить в повествование одновременно смешное, трогательное, многослойное, захватывающее и героическое – именно так о "Дамба", без преувеличения один из лучших переводных романов года.

Ксения Буржская. "Мой белый"

Мама, дочка, Вера – семья, которую описывает в своей лиричной и камерной книге Ксения Буржская, традиционна во всем, кроме состава. Мама и Вера любят друг друга, путешествуют, ссорятся, перерастают свои отношения, расстаются, и мы видим историю этого союза глазами их взрослеющей дочери, героини-расказчицы романа. Своей оптикой (гомосексуальная семья сквозь призму восприятия растущего в ней ребенка) "Мой белый" напоминает нашумевшую в прошлом году книгу Микиты Франко "Дни нашей жизни" с поправкой на то, что как автор Буржская обладает куда большей зрелостью и талантом. И точно так же, как книга Франко, роман Буржской, помимо чисто художественной, решает еще одну очень важную задачу – нормализует восприятие нетрадиционных семейных моделей в российском обществе.

Алла Горбунова. "Другая материя"

Третья прозаическая книга поэтессы Аллы Горбуновой (предыдущая, сборник малой прозы "Конец света, моя любовь" принес ей недавно премию "НОС") вновь представляет собой россыпь коротких историй – автобиографических, фантастических, смешных, страшноватых. Исключительно разнообразие (авторский диапазон Горбуновой простирается от готической новеллы до лирической зарисовки о детстве и от псевдофольклорной сказки до хоррора), они, тем не менее, складываются в целостную картину, трудно определимую в терминах жанра – и, вероятно, именно в силу этого неотразимо привлекательную.

Оксана Васякина. "Рана"

Оксану Васякину знают как поэта, работающего на стыке обнаженной искренности и эпатажа. Ее прозаический дебют выдержан в том же узнаваемом нервном стиле. На протяжении всей книги героиня, очень похожая на самого

В Москве проходит одно из главных событий книжного мира – выставка-ярмарка Non/fiction. Мы выбрали самые интересные новинки художественной литературы, которые представлены на празднике интеллектуалов.

автора, со многими пересадками едет из Волгограда в Сибирь, в Усть-Илимск, чтобы захоронить там прах умершей матери. Однако пунктирное роуд-муви обобщается странствием не столько пространственным, сколько ментальным. Долгая дорога располагает к размышлениям о себе, об отношениях с матерью, о собственной сексуальности, о гендере, о смерти. Обо всем этом Васякина пишет со своей всегдашней яростной прямоотой, с почти болезненной для читателя откровенностью, вызывающей одновременно легкую оторопь и безусловное уважение.

Алан Мур. "Иерусалим"

1300-страничный прозаический opus magnum великого комиксиста Алана Мура (среди самых известных его работ – "Хранители" и "V значит вендетта") проще всего сравнить с "Улиссом" Джойса, в котором на место ирландского Дублина подставили английский Нортгемптон, а дотошный реализм щедро приправили мистикой, научной фантастикой и фэнтези. Запутанный сюжет, объединяющий сразу несколько исторических эпох, тем не менее, имеет единую смысловую ось – родословие семейства Верналл, отдельные представители которого наделены не то даром, не то проклятием – они умеют общаться с высшими силами. Сложно устроенный, стилистически неоднородный, "Иерусалим", тем не менее, обладает достоинством гармоничной целостности и, несмотря на циклопический объем, впечатляющей композиционной стройности.

Шарль Левински. "Кастеллау"

Молодой кинорежиссер Сэмюэль Саундерс собирает материал для диссертации, посвященной фильмам, снимавшимся в последние месяцы войны в нацистской Германии, но так и не законченным или не вышедшим на экраны. В ходе этих исследований он неожиданно для себя извлекает на свет грязные подробности, таящиеся в прошлом знаменитого голливудского актера. Эта находка меняет всю жизнь героя, превращая ее в безумный и обреченный крестовый поход против лжи и незаслуженной славы. Кинематограф и его история становятся для немецкоязычного швейцарца Шарля Левински той призмой, сквозь которую он смотрит на тему гения (или во всяком случае яркого таланта) и злодейства, разворачивая этот вечный сюжет на фоне драматичных событий европейской истории XX века.

Анна Катрине Боман. "Агата"

Старик-психотерапевт считает рабочие часы, отделяющие его от скорой пенсии, а во время сеансов рисует в блокноте птичек вместо того, чтобы по-настоящему слушать своих пациентов. Он никогда не любил свою работу, а теперь, когда избавление так близко, и вовсе с трудом ее переносит. Но однажды на его пороге появляется женщина с бледным лицом и горящими глазами по имени Агата. Она недавно выпилась из психиатрической лечебницы, состояние ее по меньшей мере нестабильно, но она непременно желает пройти терапию у главного героя, несмотря на его явное нежелание брать новых (и вдобавок сложных) пациентов накануне выхода на пенсию. Ну, и конечно же, как оно обычно и бывает в такого рода историях, встреча эта оказывается целостной как для пациентки, так и для терапевта. Добрая и утешительная, но при этом ничуть не приторная история,

рассказанная датчанкой Анне Катрине Боман, сама по себе обладает терапевтическим эффектом и наверняка понравится поклонникам творчества Фредерика Бакмана.

Ребекка Маккай. "Мы умели верить"

Эпидемия СПИДа, поразившая Америку в середине 1980-х и выкосившая значительную часть гей-сообщества, неплохо отражена в художественной прозе: эта тема затрагивается и в "Доме на краю света" Майкла Кэнингема, и в "Бессмертных" Хлои Бенджамин, и во многих других книгах. Но, пожалуй, лишь в "Мы умели верить" Ребекки Маккай она выходит на передний план и становится поводом для вдумчивой и многослойной авторской рефлексии. Действие романа разворачивается в двух временных пластах – на пике эпидемии, в 1985 году, и тридцатью годами позже, когда о событиях тех лет размышляет женщина, у которой СПИД отнял старшего брата и многих друзей. Такая двойная оптика позволяет увидеть трагедию сразу и в моменте, и сквозь время, что дает читателю возможность и проникнуться непосредственным состраданием к жертвам эпидемии, и по-настоящему осознать ее исторический масштаб.

Хуан Габриэль Васкес. "Нетленный прах"

Главный герой романа колумбийца Хуана Габриэля Васкеса, молодой писатель, давно живущий в Барселоне, вместе с беременной женой приезжает на родину в короткий отпуск, чтобы навестить родителей. Однако супругам приходится продлить свое пребывание в Боготе – жена попадает в больницу из-за угрозы выкидыша. Предоставленный сам себе, страдающий от постоянной тревоги, чтобы отвлечься, герой погружается в размышления о ключевом событии колумбийской истории XX века – убийстве Хорхе Эльсера Гайтана, известного политика и оратора, застреленного на выходе из собственного дома 9 апреля 1948 года. Этот эпизод стал причиной вооруженного восстания в столице, повлекшего за собой многолетнее кровопролитие, с долгосрочными последствиями которого Колумбия сталкивается по сей день. Наполнину детектив (герой пытается разгадать подлинную причину произошедшего), наполнину меланхолическая медитация на тему взаимосвязи прошлого и настоящего, роман Хуана Габриэля Васкеса обладает всеми признаками большой литературы и приоткрывает российскому читателю окно в малоизвестный у нас мир современной латиноамериканской литературы.

Чжоу Хаохуэй. "Письма смерти"

В китайском Чэнду появился маньяк – на манер Декстера из одноименного сериала он убивает (или, по его собственному убеждению, казнит) тех, кто каким-то образом сумел избежать законного наказания. И каждому убийству предшествует "письмо смерти", в котором маньяк вежливо предупреждает, когда именно и на каком основании будет произведена "казнь". Это уже второе пришествие убийцы в Чэнду: восемнадцать лет назад он так же вершил свой суд и расправу, позволив полиции изучить свои приемы и обыкновения, но не дав ни единого шанса подобраться на расстояние выстрела. "Письма смерти" Чжоу Хаохуэя – это одновременно и процедуральный детектив, позволяющий понять, как работает современная китайская полиция, и психологическая драма, и мрачный триллер, во всех этих качествах не уступающий лучшим образцам скандинавского нуара.

Руту Модан. "Имущество"

Молодая израильтянка Мики, недавно потерявшая отца, и ее вздорная бабушка летят в Варшаву, на родину предков. Формальная цель их поездки – попытаться разыскать и вернуть имущество, некогда принадлежавшее бабушкиному отцу. Однако довольно скоро Мики начинает подозревать, что история с реституцией – не более, чем формальный предлог, а на самом деле бабушка ищет в городе своей юности нечто совсем иное. Обязательный, грустный и очень красивый комикс Руту Модан – это сразу и детектив, и любовная драма, но в первую очередь – лиричное и глубокое размышление о переживании утраты, о восстановлении контакта с собственным прошлым и об исключительной важности этой душевной работы.

Подготовил Карл ФИШЕР.